
И. Е. СУРИКОВ

**ВОЛКИ И ЛЬВЫ В АНТИЧНЫХ
ГРЕЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ:
ГОМЕР, СОЛОН
И «ИСТОРИЯ ЖИВОТНЫХ» АРИСТОТЕЛЯ***

В статье исследуются семиотические аспекты взаимодействия мира Истории (мира человеческого самосознания) и мира Природы. Автор статьи концентрирует свое внимание на определенной двусмысленности анималистической метафоры гомеровского эпоса. В нем львы и волки нередко противопоставляются друг другу как хищники соответственно «более благородные» и «менее благородные» (в частности, волки у Гомера обычно действуют стаей). Вместе с тем в последующей древнегреческой традиции прослеживаются также и черты, сближающие эти два вида животных. Так, Солон уподобляет себя волку-одиночке в таком контексте, где ожидалось бы скорее сравнение со львом; Аристотель неоднократно подчеркивает сходные качества (как физиологические, так и поведенческие) львов и волков.

Ключевые слова: античная Греция, животный мир, волки, львы, Гомер, Солон, Аристотель, «История животных».

Эта статья, как и предыдущая, опубликованная в данном журнале (№ 2 за 2016 г.), написана (и это отразилось в выборе ее темы) в память об Э. С. Кульпине – специалисте, который, с одной стороны, на протяжении ряда лет возглавлял журнал «История и современность», а с другой – в полной мере в своих исследованиях показал, как взаимодействуют мир Истории и мир Природы. Их взаимодействие, подчеркнем, происходит не только на уровне конкретных реалий, но и на семиотическом, на уровне образов, знаков-символов, первичных и вторичных мифологем. Здесь мы берем для

---

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта 14-01-00018. В основу статьи лег доклад того же названия, сделанный автором в марте 2016 г. в РГГУ на конференции «Historia animalium: от мифологии до археологии».

рассмотрения как раз один из сюжетов, демонстрирующих косвенную связь между животными и человеческими характеристиками на материале древнегреческой цивилизации, наиболее близкой автору по роду занятий. Речь пойдет в основном о двух животных – льве (λέων) и волке (λύκος).

Обратимся прежде всего к знаменитым гомеровским сравнениям, столь изобилующим как в «Илиаде», так и в «Одиссее» и неоднократно привлекавшим к себе внимание ученых (см., например: Rood 2008). Эти развернутые сравнения постоянно служат у Гомера неким связующим звеном между человеческим обществом и природой, и поэтому животные – часть природы – весьма часто присутствуют в сравнениях, о которых идет речь.

Латвийский историк Харийс Туманс, недавно посвятивший статью интересующему нас вопросу, не случайно делает упор на то, что в эпосе «стандартные сравнения героев с животными... зачастую несут на себе и социальную нагрузку» (Туманс 2011: 27–28).

Приведем еще несколько важных и совершенно необходимых для нашей темы фрагментов из его работы: «Мир животных в сравнениях у Гомера должен в какой-то степени отображать эпические представления об иерархии в человеческом обществе. Начнем с самого верха природной лестницы, и это будет очень характерный для эпоса образ льва¹, весьма часто используемый поэтом для характеристики героев... Лев являлся олицетворением царственной силы, власти, смелости и благородства... Со львом Гомер может и должен сравнивать только самых лучших героев, самых бесстрашных воинов – басилеев². И действительно, львам уподобляются лишь сильнейшие, самые “статусные” воины» (Там же: 28–29).

Пересказывая Гомера, Х. Туманс упоминает об образах вепря, или кабана, и продолжает так: «За вепрями следуют волки – тоже хищники³, но уже заметно ниже по статусу... Волк значительно сла-

¹ Справедливое наблюдение. Ср.: Markoe 1989 (на материалах памятников искусства).

² О статусе бацилея в ранней Греции написано немало. Помимо известной книги Р. Дрюса (Drews 1983), отличающейся, впрочем, чрезмерно критическим подходом, см. также более новые разработки по данной теме: Carlier 2006; Mazarakis Ainian 2006; Crielaard 2006; Antonaccio 2006. Применительно к особой ситуации греков Кипра, явившихся в каком-то смысле «хранителями традиции» в момент угрозы дисконтинуитета на рубеже II–I тыс. до н. э., см.: Iacovou 2006.

³ Здесь, очевидно, какая-то описка. Что значит «тоже хищники», в то время как только что речь шла о вепрях? Кабаны, как известно, к хищникам не относятся.

бее льва или кабана, он не обладает ни статью, ни мощью, зато его популяция больше, он живет в стае и нападает тоже стайей» (Туманс 2011: 31).

Здесь в целом верно подмечено, что волки изображаются Гомером как стайные животные, образа «волка-одиночки» мы в его поэмах не встретим. Во всяком случае, на первый взгляд. Но, если присмотреться пристальнее, топос «волка-одиночки» все-таки появляется в «Илиаде» один раз. Правда, как раз не на уровне изображения реального животного, а на уровне достаточно утонченной метафоры.

Речь идет, конечно же, о Долоне, по имени которого названа X песнь «Илиады». Троянец Долон, идущий ночью на разведку в ахейский стан, характеризуется, в частности, так:

Сверху покрылся кожей косматого волка седого.
(Hom. II. X. 334; перевод Н. И. Гнедича)

Да и в целом образ Долона содержит много от «волчьей» семантики, что никем и не оспаривается. Отмечает этот нюанс и Х. Туманс, но трактует его своеобразно: «В фольклоре многих народов волк предстает в качестве не очень симпатичного персонажа...⁴ На примере Долона хорошо видно, чем отличается герой-“лев” от человека-“волк”... Если лев – это герой с большой буквы, герой по признанию и по сути, то “волк” – это псевдогерой, человек низкой природной сущности, но заявивший необоснованную и дерзкую претензию на героизм, т. е. на несоответствующий ему по природе статус» (Туманс 2011: 40–41).

Х. Туманс, в сущности, считает Долона персонажем, равным по низости даже самому Терситу⁵ (Там же: 42–43), а то и ниже последнего (как он высказывался в личной переписке с нами). Но нам с этим трудно согласиться. Да, Долон идет в опасную разведку небескорыстно: он требует, чтобы ему была за это дана щедрая

---

⁴ Здесь нельзя обойтись без оговорки. В фольклоре целого ряда других народов волк, напротив, персонаж вполне приветствуемый. Были и есть этносы, у которых существовало (и существует) даже личное имя, означающее «волк» (Вук у сербов, Вольф у немцев, Лу у французов...). К этим этносам, кстати, относились и античные греки, у которых весьма популярными были имена с корнем Лук-, да и собственно имя Лик (Λύκος – волк) неоднократно фиксируется. Другое дело, что у тех же античных греков встречается, например, даже личное имя Драконт (Δράκων – змея), что нам вообще трудно представить.

⁵ В связи с образом Терсита см.: Moloney 2015.

награда – колесница Ахилла с конями (Ном. II. X. 321 sqq.). Это, безусловно, так. Но обратим внимание на следующий нюанс: как раз в это самое время из ахейского стана в троянский «параллельно» отправляются разведчиками Диомед и Одиссей. Уж куда как герои!⁶ И тем не менее они тоже отваживаются на это дело не безвозмездно: главнокомандующий Агамемнон точно так же обещает своим лазутчикам награду (*Ibid.* 214 sqq.). Достаточно перечитать десятую песнь «Илиады», и неизбежно встанет вопрос: а чем, собственно, Долон хуже своих противников в этическом плане?⁷ Да, он погибает от рук Одиссея и Диомеда, но разве удивительно, что он в одиночку оказывается слабее двух таких могучих воинов?

Соответственно, данный вывод Х. Туманса представляется нам спорным. Да и так ли уж далек на самом деле лев от волка в древнегреческих представлениях? Вопрос сложнее, чем может представляться на первый взгляд. Соответственно, имеет смысл рассмотреть его и в каких-то иных контекстах.

Как известно, с VII в. до н. э. на смену эпосу в античной Греции пришла лирическая поэзия. Одним из крупнейших представителей эллинской лирики архаической эпохи был афинянин Солон (ок. 640 – 559 гг. до н. э.), одновременно выступивший и как один из «семи мудрецов», и как крупнейший политик своего времени, учредивший в родном полисе знаменитые законы, по которым Афины жили на протяжении веков⁸. Обратимся теперь к его наследию.

Львы у Солона нигде не упоминаются, зато однажды упоминается волк⁹, причем в исключительно интересном, неожиданном контексте. Одно из самых знаменитых стихотворений этого поэта-

---

⁶ Особенно Одиссей. Ему посвящен колоссальный пласт литературы. В первую очередь следует отметить классический труд: Finley 1954. Назовем и несколько более поздних работ об этом герое: Schwartz 1991; Dougherty 2001; Kelly 2008; Montiglio 2011.

⁷ Разбор всех этих понятий («хороший», «дурной», «лучше», «хуже»), причем именно в этическом плане и именно применительно к архаическому греческому мышлению, см. в нашей недавней работе (Суриков 2014).

⁸ О Солоне как историческом деятеле и поэте, опять же, так много написано (в том числе и автором этих строк), что не имеет смысла ссылаться на всю эту литературу, а лучше просто указать ключевую на сегодняшний день работу: Noussia-Fantuzzi 2010. Укажем также лучший труд о законах Солона (с приведением в оригинале всех их фрагментов, которые сохранились): Ruschenbusch 1966.

⁹ В связи с образом волка в греческих представлениях этого времени см.: Detienne, Vernant 1989: 148–163; Buxton 1990; Hawkins 2008.

политика (Sol. fr. 24 Diehl; см. о нем: Blaise 1995) представляет собой его, так сказать, самооправдание, апологию тех эпохальных реформ, которые он провел в Афинах в 594–593 гг. до н. э. Автор в конечном счете сетует на то, что не был понят согражданами (и это действительно было так, ведь позитивные результаты его реформ сказались лишь в долгосрочной перспективе, а на первых порах от них всем стало только хуже):

И потому, от всех обороняясь, я
Вертеться стал, как средь собачьей стаи волк (λύκος).

Вот это-то демонстративное «волк», поставленное как завершающее слово стихотворения и, следовательно, приобретающее особенно громкое, запоминающееся звучание, постоянно смущает исследователей (Vox 1983: 313; Stehle 2006: 93–94; Sagstetter 2013: 133 ff.). В нашем современном понимании волк, как правило, уж никак не вызывает позитивных реминисценций. Впрочем, повторим, в античных греческих представлениях на волков, видимо, смотрели несколько иначе. Ниже будут затронуты соответствующие контексты, а пока отметим: солоновский волк (волк, с которым отождествляет себя сам автор!) – очевидным образом волк-одиночка, а не эпический стайный волк. Неоднократно отмечалось, что Солон в своей лирике демонстрировал прекрасное знание эпической традиции и отчасти опирался на нее (вплоть до использования эпических формул¹⁰), отчасти же ее перерабатывал (см., например: Blaise 2006).

В одной недавней диссертации (Sagstetter 2013: 134) даже был поставлен вопрос: почему Солон, восхваляя себя, уподобил собственную персону именно волку (λύκος), а не «более благородному» льву (λέων)? В данной метрической позиции в равной степени подошли бы оба этих слова, и, стало быть, автор сделал сознательный выбор.

Напрашивается параллель из Пиндара, великого лирика первой половины V в. до н. э., который, вне сомнения, знал поэзию Солона и испытал определенное влияние с ее стороны (Newman 1982;

---

¹⁰ В связи с формулами в эпосе (прежде всего греческом) см. в первую очередь русский перевод классической книги: Лорд 1994. Из современной зарубежной литературы см.: Russo 1997.

Figueira 2015). В одной из своих од Пиндар пишет (здесь необходима довольно пространный цитата):

Дважды губителен подговор клеветы,
 Поступь его – **лисья** поступь.
 Но корыстнице-**лисе** велика ли корысть?..
 Невмочь коварному
 Вбросить сильное слово меж добрых мужей, –
 Но, виляя, они захлестывают.
 Я не дольщик бесстыдства!
 Другом другу хочу я быть
 И врагом врагу,
 Как **волк**, его застигая обходами здесь и там.
 (Pind. Pyth. II. 76 sqq.; пер. М. Л. Гаспарова)

Мы специально выделили жирным шрифтом ключевые слова. Из них можно увидеть, что Пиндар противопоставляет волка лисе¹¹, притом первый ему куда более симпатичен, чем вторая. С волком поэт ассоциирует себя, а с лисицей – тех, кого он осуждает.

Перед тем как вывести наше исследование на следующий этап, оговорим и то, что и волк, и лисица относятся к семейству собачьих; ergo, как быть с собаками *stricto sensu*? Каково было отношение греков к этим животным?

Здесь самое время вновь обратиться к цитированной ранее работе Х. Туманса и привести из нее еще одну характерную цитату, определенно характеризующую взгляды этого прекрасного историка: «Фактически волки замыкают природную иерархию животных образов, хотя за скобками, т. е. уже совсем за чертой, остается еще один образ – собака, вернее, пес. Это самое распространенное бранное слово в устах гомеровских персонажей...» (Туманс 2011: 32).

Да, и даже в наши дни «собакой» ругаются нередко. И в то же время постоянно звучит выражение «Собака – друг человека» и тому подобные фразы. Образ собаки (кстати, сама лексема – иранская по происхождению, скифское заимствование в раннеславянский язык) скорее не однозначен, а двойственен. Таким он был и у древ-

¹¹ И не он один делает это в архаической греческой лирике. В стихах Солона лиса тоже встречается (Gottesman 2008), и тоже не в позитивном аспекте. Нечто подобное предпринимает и Архилох (Hawkins 2008), но, похоже, с противоположной расстановкой знаков позитива – негатива.

них греков. Не случайно же любимая клятва Сократа – «Клянусь собакой!» (так обычно переводят, хотя, пожалуй, несколько точнее было бы «Клянусь псом!», поскольку в формулировке этой сократовской клятвы фигурирует артикль мужского рода).

И вот у Солона, обратим внимание, волк, представленный однозначно положительным персонажем (ведь с ним отождествляет себя сам автор!) изображен противостоящим стае собак – его антагонистов и, стало быть, персонажей отрицательных; стае собак – и это тоже отметим, – которые, стало быть, мыслятся как стайные животные, нападающие на волка-одиночку. Коль скоро уж мы заговорили о стайных представителях животного мира и не относящихся к таковым, укажем заодно, что лев – тоже, в общем-то, не зверь-одиночка: львы живут и охотятся прайдами (Новиков 1971: 366). (Прайд – это львиная «семья», или стая, можно назвать как угодно; это группа, включающая 10 и более особей.)

* * *

«Ученик ученика» Сократа – Аристотель – был не только оригинальным философом, но и, как всем известно, ученым-энциклопедистом. В частности, именно его, а не кого-либо другого следует считать основоположником науки зоологии. Ведь он написал ряд трактатов по этой проблематике, главный из которых – «История животных» – является вообще самым крупным по объему из дошедших до нас аристотелевских сочинений (Старостин 1996а: 9; в связи с общей проблемой сохранности «корпуса Аристотеля» см.: Суриков 2015: 250 слл.).

Строго говоря, «История животных» – не оптимальный русский перевод для труда, который в оригинале именуется *Αἰ περὶ τῶ ζῴα ἱστορίαι* («Исследования о животных»). Но уж коль скоро у нас данный трактат называют именно так, то не будем отходить от общепринятого узуса. Тем более что не он нас интересует, а те сведения о волках и львах – в сопоставлении, – которые в нем содержатся. К ним мы теперь и перейдем. Кстати, постоянно будем держать в уме близость волка и собаки; Аристотель, конечно, тоже имел о ней четкое представление, при всем своем умозрительном подходе к зоологии. «В отношении же нрава различия между животными таковы: одни... свободны, храбры и благородны (εὐγενῆ), как лев;

другие породисты (γενναῖα), дики, коварны, как волк; благородно то, что происходит от хорошего рода, породисто – что не выходит за пределы присущей ему природы» (Arist. Hist. anim. I. 488b12 sqq.; «История животных» здесь и далее цитируется в переводе В. П. Карпова).

Обратим внимание на интересный нюанс: лев охарактеризован Аристотелем как εὐγενής, а волк – как γενναῖος. Первый термин однозначно означает «благородный», второй здесь передан как «породистый», но применительно к людям имеет вообще-то значение «родовитый». Между εὐγενής и γενναῖος, вообще говоря, существенной разницы нет (Аристотель вносит ее здесь скорее несколько надуманно), это синонимы, оба включают в себя корневую морфему γεν-.

«Взять льва, у него в шее одна-единственная кость, а позвонков нет, но если его вскрыть, то все внутренние части оказываются такими же, как у собаки» (*Ibid.* II. 497b16 sq.). Приведем любопытную параллель из другого зоологического трактата Аристотеля – «О частях животных»: «У всех других животных шея сгибается и состоит из позвонков; у волков же и львов она представляет одну кость...» (Arist. De part. anim. 686a20 sqq.). Таким образом, здесь напрямую сказано о волке то же самое, что и о льве. Между прочим, превратное представление, согласно которому у волка якобы нет позвонков (либо шейных, либо вообще никаких), бытовало и в мифологии славян (Гура 1995: 411), у которых вообще-то волк был одним из тотемных животных (в отличие от льва, с которым наши предки могли быть знакомы только понаслышке).

«Некоторые (из животных. – *И. С.*) ведь многопалы, как лев, собака, пард» (Arist. Hist. anim. II. 499b8). Обратим внимание на новое сближение льва с собакой (а стало быть, и с волком), а также, кстати, и на то, что и поныне даже опытные охотники-следопыты затруднятся по внешнему виду отличить следы крупного кошачьего и крупного собачьего хищника. В этих случаях рекомендуют, как ни парадоксально, просто понюхать след: «если пахнет кошкой – то шла рысь, если собакой – то волк».

«Далее, у одних (из животных. – *И. С.*) есть острые чередующиеся зубы, как у льва, парда и собаки» (Arist. Hist. anim. II. 501a16 sqq.). Опять перед нами в одном ряду собака со львом и «пардом». Что имеется в виду у Аристотеля под пардом – предмет отдельного

разбора, который не может быть здесь предпринят. Это может быть и барс в какой-либо из своих разновидностей, и леопард/пантера, и, между прочим, гепард – тот представитель семейства кошачьих, который по ряду характеристик особенно близок к собачьим. Пожалуй, наиболее нейтральным будет такое определение: пард у Аристотеля – достаточно крупный кошачий хищник, но все-таки менее крупный, чем два крупнейших представителя семейства – лев и тигр. Пард, таким образом, по размеру сопоставим с волком или крупной собакой.

Кстати, какого размера были древнегреческие собаки? Недавно наша выдающаяся исследовательница Н. В. Брагинская, делая доклад на конференции «“Время смеяться”: смеховое начало в религиозной культуре» в РГГУ (апрель 2016 г.), обмолвилась, что собаки эти были-де небольшими, апеллируя к известному месту у Геродота о фантастических индийских муравьях, стерегущих золото (Herod. III. 102), которые были, если верить переводу Г. А. Стратановского, «величиной почти с собаку, но меньше лисицы». Стало быть, древнегреческие собаки были не больше лисицы? Однако несколько иная картина вырисовывается, если мы обратимся не к переводу, а к оригиналу. На самом деле у Геродота сказано так: *μεγᾶθα ἔχοντες κυνῶν μὲν ἐλάσσω, ἀλώπεκων δὲ μέζω*. Иными словами, эти муравьи меньше собак, но больше лисиц (то есть собака фигурирует здесь как животное более крупное, чем лисица). Вот как бывает, если чрезмерно доверяться переводам; даже и крупный специалист может попасть впросак.

«Величина рта также различна у животных: у одних рты широко разрезаны, как у собаки, льва и всех кархародонтов...» (Arist. Hist. anim. II. 502a5 sqq.). «Кархародонты» – это как раз животные, имеющие «острые чередующиеся зубы», повторяя выражение в одном из предыдущих абзацев. Впрочем, данный пассаж не слишком характерен, равно как и следующий – о животных, имеющих «один желудок, как, например, человек, свинья, собака, медведь, лев, волк» (*Ibid.* 507b16 sq.). Здесь по слишком общему признаку объединены представители весьма непохожих видов (ср.: *Ibid.* 507b22).

«Медведи, волки и львы опасны для тех, кто приближается к ним в это время (время спаривания. – *И. С.*); между собой они реже

сражаются, так как ни одно из этих животных не является стадным (ἀγέλαϊον)» (Arist. Hist. anim. VI. 571b26 sq.). Чрезвычайно примечательный пассаж, самой интересной особенностью которого является утверждение, что и волки, оказывается, не являются стадными (стайными) животными! Это прямо противоречит и действительности¹², и восходящей к Гомеру традиции. Подозреваем, что на данное суждение Аристотеля повлияли представления о волке-одиночке, почерпнутые им из Солона, творения которого он прекрасно изучил (Irwin 1985; Leduc 1998; Gehrke 2006; Rhodes 2015). Есть, правда, в той же «Истории животных» место (Arist. Hist. anim. VIII. 594a30 sq.), которое вроде бы намекает на то, что Аристотель знал и стайных волков; во всяком случае, в русском переводе В. П. Карпова оно дается так: «Людей едят больше волки-одиночки, чем стайные». Однако, внимательно рассмотрев это место в оригинале, мы убедились, что оно малопонятно и, скорее всего, испорчено. Во всяком случае, для чистоты анализа не стоит пользоваться им как аргументом.

Кстати, коль скоро зашла речь и о медведе, то имеет смысл, несколько отклонившись от хода изложения, сделать небольшое отступление о табуировании у индоевропейцев названий тотемных животных. Волк (др.-греч. λύκος¹³, лат. lupus) табуирован и в германских, и в славянских языках (имеем wolf, «волк»); с медведем (др.-греч. ἄρκτος, лат. ursus) имеем еще более сложную историю. Первое табуирование произошло, судя по всему, еще на стадии германо-балто-славянского единства, и животное стало именоваться словом, производным от прилагательного со значением «бурый». Да и наши предки называли медведя «бер» (то есть сходно с тем, как до сих пор называют его англичане и немцы), чему свидетельство – существительное «берлога», то есть «логово бера (медведя)». А «медведь» (видимо, все-таки, не «мед-ведь», «тот, кто ведает мед», а «медв-едь», «тот, кто ест мед») – это уже второе табуирование, конкретно в русском языке. Занятно, что в украинском, далее,

¹² Кстати, по большому счету, волчья стая (Новиков 1971: 305) – прямая аналогия львиному прайду, черт сходства очень много.

¹³ Соотносится с индоевропейским корнем, проявляющимся, например, в лат. lux – «свет».

есть что-то похожее на третье табуирование: в нем – «ведмедь», с анаграммой¹⁴.

Но вернемся к основной нити изложения. «Из всех зубов лев меняет только четыре, так называемые собачьи зубы, два сверху, два снизу; меняет в возрасте шести месяцев» (Arist. Hist. anim. VI. 579b12 sqq.). Честно говоря, не думаем, что Аристотель имел понятие, как там на самом деле у льва обстоит с зубами. В IV в. до н. э. львы, по всей видимости, в Северной Греции и Македонии, где великий философ родился, вырос и провел значительную часть жизни, уже не водились (хотя ранее совершенно точно обитали). А даже если и попадались какие-то малочисленные особи, то ведь Аристотель, как известно, не был эмпириком (или был таковым разве что по сравнению со своим учителем Платоном); притчей во языцех является тот факт, что автор знаменитых трактатов по зоологии не представлял толком, сколько ног у мухи.

С другой стороны, хорошо известно, что у собак действительно вначале вырастают молочные зубы, а уже потом – постоянные. Кстати, автор этих строк имел возможность лично наблюдать песика (породы карликовый пудель) с интересной аномалией: вырастание постоянных зубов у него не привело к выпадению молочных, и он так и прожил всю свою достаточно долгую жизнь с двумя рядами зубов, причем это, похоже, не вызывало у него никакого дискомфорта.

Мы, собственно, процитировали данный пассаж о зубах просто как еще одно место, сближающее львов с собачьими. Кстати, лишним связующим звеном могла служить, в частности, гиена, о которой Аристотель пишет так: «Животные, которых одни называют гланом, другие гиеной, по величине не меньше волка (в действительности все-таки несколько меньше, либо Стагирит видел волков не таких крупных, какие нам ныне привычны. – *И. С.*), но имеют гриву...» (Arist. Hist. anim. VIII. 594a31 sq.). Существуют, между прочим, и гривистые волки; в любом случае наличие гривы у представителя семейства собачьих не могло не напоминать о льве – единственном имеющем гриву (возможно, результат мутации, –

---

¹⁴ Эти достаточно очевидные наблюдения отсутствуют в классическом труде по индоевропейской лексике (Бенвенист 1995), поскольку в нем анализируется только социальная терминология.

благодаря другой мутации в том же регионе появились гоминиды) представителе семейства кошачьих.

Еще несколько характеристик льва у Аристотеля: «Бег его всегда растянут, как у собак» (Arist. Hist. anim. IX. 629b19); «Убегают они иногда, вытянувши хвост, как собака» (*Ibid.* 629b35); «Испражнения... сухие, лишённые соков, как у собак. Ветры он испускает вонючие и мочу с сильным запахом; поэтому собаки обнюхивают деревья, ибо он мочится, поднимая ногу, как собаки» (*Ibid.* VIII. 594b21 sqq.); «Кого он (лев. – *И. С.*) укусит или поранит когтями... лечение таково же, как ран от собачьих укусов» (*Ibid.* IX. 630a5 sqq.).

«Хорошо относятся к людям также тосы... Они ведут войну с собаками и львами» (*Ibid.* IX. 630a9 sqq.). Здесь не будет обсуждаться вопрос о том, какое именно животное у Аристотеля фигурирует как «тос»; проблема эта достаточно сложная и спорная. Просто обратим внимание, что еще по одному признаку сближены львы с собаками (а стало быть, и с волками).

Таковы случаи, когда в «Истории животных» львы и собаки/волки напрямую оказываются в одинаковом контексте. Мы, конечно, не претендуем на то, что исчерпывающим образом перечислили все без исключения такие случаи; но, думается, основное нами указано, и тенденция однозначна: лев у Аристотеля часто сопоставляется с собачьими и никогда им не противопоставляется.

Пожалуй, имеет смысл указать еще на пару мест, где такое сопоставление имеет не прямой, а косвенный характер, но все-таки присутствует. «Сражается свинья даже с волком» (*Ibid.* VIII. 595b1). Сравним с пассажем, довольно далеко отстоящим от этого в рассматриваемом трактате (*Ibid.* IX. 630a1 sqq.): «Видели однажды, как лев собирался напасть на свинью и, когда увидел, что она ошепенилась, убежал».

Под «свиньей» (ῥῆς) здесь, нужно полагать, имеется в виду все-таки не домашняя свинья, а дикая, то есть кабан. У того же Х. Туманса в связи с образами животных в эпосе указано (Туманс 2011: 30–31), что у Гомера вепрь (кабан) «представляет... могучую и неукротимую силу... По силе Гомер сближает львов и вепрей, и бывает, что, описывая ратные подвиги славных героев, он применяет

к ним сразу оба этих образа...¹⁵ Ясно, что вепри в эпической иерархии – самые сильные бойцы после львов...».

На самом деле, если уж на то пошло, крупный вепрь побеждает льва просто «массой». Совсем недавно в газетах прошла (с фотографиями) информация о том, как у нас в России охотник случайно убил кабана воистину чудовищных размеров (около 600 кг, на фото стоящий победитель – вровень с поверженным побежденным). Такого веса никогда не достигнет ни лев, ни медведь. Бык может быть и более крупным (превышающим тонну), но о быках в эпосе и других античных литературных памятниках говорить здесь не место, тематика статьи не связана с ними.

Укажем еще на одно место из «Истории животных» Аристотеля, которое может быть понято только в контексте, в сопоставлении с пассажем другого автора: «Неверно, по-видимому, говорят и то, что волки рожают только один раз в жизни» (Arist. Hist. anim. VI. 580a21 sq.). Данный тезис, естественно, полностью абсурден, но уже тот факт, что самому Стагириту пришлось его опровергать, говорит: этот миф имел-таки хождение.

А теперь сопоставим сказанное с суждением «отца истории» Геродота, жившего за век до Аристотеля и активно им штудировавшегося, в том числе и в связи с животными (Суриков 2011: 443 слл.): «Львица... рождает раз в жизни единственного детеныша» (Herod. III. 108). Тут можно было бы еще долго рассуждать о символике рождения львенка в древнегреческой традиции, но мы просто отошлем к давней, но полезной статье (Dyson 1929), а здесь лишь отметим: вот и опять сошлись два мифа, вопреки всякой очевидности сближающие совершенно, казалось бы, не похожих друг на друга животных.

* * *

---

¹⁵ Приводятся ссылки на соответствующие места из «Илиады». Нам, со своей стороны, хотелось бы напомнить и о знаменитом мифологическом герое Тидее (отце Диомеда), эмблемой на щите которого был именно кабан. Тидей, согласно мифам, обладал какой-то совсем уж сверхъестественной силой. Так, однажды, когда он возвращался из посольства, на него была устроена засада пятьюдесятью людьми. Он перебил всех, кроме одного, да и того-то оставил в живых только по своей доброй воле, дабы он, вернувшись к пославшим, сообщил им о гибели этого отряда.

Чрезвычайно полезным в интересующем нас плане оказывается комментарий Б. А. Старостина к русскому переводу «Истории животных» Аристотеля. Нам представляется необходимым привести из него несколько цитат: «...Аристотель... льва не анатомировал... К тому же, хотя срастание шейных позвонков и встречается у млекопитающих (у неполнозубых, которых Аристотель знать не мог), у львов его не бывает, как и у волков, которым Аристотель столь же ошибочно приписывает данное свойство... Можно предположить, что в протографе¹⁶ фигурировал не лев, а какое-то другое животное: например, волк. В таком случае имеющиеся в античной, вообще весьма фольклоризированной, зоологии рассказы о львах, в том числе у Аристотеля, можно рассматривать как запоздалый отголосок поздней стадии индоевропейского тотемизма, на которой волк как “ночной”, “лунный” тотем уступал место пришлому “солнечному” дублету, льву... В пользу того, что странности сообщения Аристотеля о львах суть отчасти результат контаминации с рассказами о волках, говорит не только мнимое полное сходство внутренностей (якобы) вскрытого животного с собачьими, но и сам факт, что у Аристотеля и других античных авторов вообще нередко “рассказы” о львах и волках соседствуют... В творчестве Аристотеля есть следы какого-то древнего особого отношения к волку...» (Старостин 1996б: 435–437).

Приводим здесь лишь в выдержках (с полным текстом читатель сможет ознакомиться в самом издании, указанном в ссылке) весь этот интереснейший комментарий. Сказанное не означает, что мы со всем в нем абсолютно согласны. Так, рассуждение о «дневных» и «ночных» тотемах-дублетах нам как-то не близко. С другой стороны, рассуждения о том, что у Аристотеля было какое-то особое отношение к волкам, могут иметь под собой определенную подоплеку.

Всем известно, что основанная Аристотелем в Афинах школа носила название «Ликей» (отсюда и всяческие «лицей», с латинизацией термина), но мало кто задумывается, что «Ликей» – это «волчье» место по-древнегречески.

---

¹⁶ Раз Аристотель сам не анатомировал льва, то его описание строения этого животного должно опираться на протограф, то есть на какое-то сочинение, которым он пользовался для своих построений.

Как бы то ни было, из всего вышеизложенного, надеемся, видно, что Аристотелю свойственна тенденция сближать львов и волков и не навязывать последним негативный образ. В этом он, конечно, продолжил ту традицию, которая проявлялась, как мы видели, уже в стихах таких ранних поэтов, как Солон и Пиндар.

Когда доклад, легший в основу этой статьи, обсуждался на конференции в РГГУ, коллегами, прослушавшими его заинтересованно, было высказано, в частности, следующее предложение: а не расширить ли анализ, не вовлечь ли в него других античных греческих авторов самых разных эпох?

Да, это было бы перспективно. Но введение в работу всего материала релевантных источников автоматически переводило бы исследование из формата статьи в монографический формат. Поэтому в статье ограничимся, пожалуй, двумя примерами.

Первый связан с так называемым «оракулом Фаэннис» (о нем см.: Габелко, Селиванова 2006). Фаэннис (Фаэнно) – прорицательница первой половины III в. до н. э., и хотя текст ее пророчества сохранился только при посредстве позднеантичного историка Зосима (Zosim. II. 36–37), аутентичность этого текста вроде бы сомнений не вызывает.

Что в нем интересно с точки зрения данной статьи? Опять же сближение льва и волка. Целиком цитировать этот (стихотворный) оракул не будем, поскольку он достаточно пространен; приведем из него только некоторые строки:

Царь фракийцев, ты город покинешь, но среди овнов
Вырастишь мощного, страшного льва, что с кривыми когтями...
С трона ж падешь ты, коего псы с двух сторон окружают.
Спящего грозного волка с кривыми когтями разбудишь...
Волки тогда совершенно заселят вифинскую землю...
Волк его в ужас повергнет по воле сурового рока...

К кому обращено пророчество, что оно гласит – это должно остаться всецело за пределами нашего внимания. Важно только то, что в нем и волк, и лев упоминаются с совершенно одинаковой формулой (имеем в виду формулу в строго техническом смысле, о которой см.: Лорд 1994) – *γαμψώνυχα, δεινόν* («с кривыми когтями,

страшного»)¹⁷. И, обратим внимание, появляются также собаки, причем во множественном числе, – то есть, видимо, имеется в виду стая собак.

Второй пример – из Ликофрона «Темного» (писавшего также в III в. до н. э.), самого, пожалуй, загадочного античного греческого автора. Его поэму «Александра», которую, как ранее считалось, вообще нельзя адекватно перевести размером подлинника, автор этих строк не так давно перевел-таки на русский язык (и именно размером подлинника: Ликофрон 2011); поэтому цитироваться она будет именно в нашем переводе.

На самом деле цитировать из довольно большой поэмы (почти полторы тысячи строк) по вопросам, освещаемым в данной статье, можно было бы довольно много, но не будем злоупотреблять и ограничимся приведением двух мест. В одном знаменитое мифологическое чудовище Скилла (нам более известна в латинизированном варианте «Сцилла» – обычно в паре с Харибдой) охарактеризовано одновременно как «псица» (собака) и «львица». О Геракле говорится:

Сразивший псицу дикую – Авсонии¹⁸,
Укромные заливы стерегла она,
Ловя добычу над своей пещерою,
Не псицу – львицу, что быков похитила
(Lycophr. Alex. 44 sqq.)

Пожалуй, более показательным будет второй пассаж из «Александры» Ликофрона. В нем говорится:

Лев пылкий успокоит всю сумятицу,
Что от Эака и Дардана род ведет,
И халастреец, и феспрот в лице одном¹⁹.

¹⁷ Русский перевод, которым мы пользуемся (он взят нами из работы: Габелко, Селиванова 2006: 115), не оптимален в том смысле, что не передает эту повторяющуюся формулу.

¹⁸ Авсония – Италия. Скилла, согласно мифам, сидела на Мессинском проливе, между Италией и Сицилией.

¹⁹ Александр Македонский со стороны своей матери Олимпиады, эпирской царевны, возводил происхождение к Эаку (через Ахилла и Неоптолема) и к Дардану (через Приама и Гелена). Халастра – город в Македонии, Феспротия – область в Эпире. Александр по отцу был македонянином, по матери – эпиротом.

Дом родичей своих разрушив полностью,
Вождей аргивян²⁰ оробевших вынудит
Льстецами стать Галадры²¹ волка-воина
И древний скипетр царства протянуть ему.

Александр III Македонский, или Великий (а каждый прочитавший вышеприведенные строки, конечно же, сразу понял, что речь идет именно о нем, а не о ком-нибудь другом), здесь, как видим, одновременно уподоблен и льву, и волку.

Пришло время подводить некоторые (пока, естественно, предварительные) итоги. В древнегреческих представлениях, как можно видеть из проанализированного материала, со львами и волками дело обстоит не так-то просто. Хотя в анималистической метафоре гомеровского эпоса львы и волки нередко противопоставляются друг другу как хищники соответственно «более благородные» и «менее благородные» (в частности, волки у Гомера обычно действуют стаей), в последующей древнегреческой традиции прослеживаются также и черты, сближающие эти два вида животных. Так, Солон уподобляет себя волку-одиночке в таком контексте, где ожидалось бы скорее сравнение со львом; Аристотель неоднократно подчеркивает сходные качества (как физиологические, так и поведенческие) львов и волков. Так же поступают и более поздние эллинские авторы.

Литература

Бенвенист, Э. 1995. *Словарь индоевропейских социальных терминов*. М.: Прогресс.

Габелко, О. Л., Селиванова, Л. Л. 2006. «Оракул Фаэннис» (Zosim. II. 36–37) и переход галатов в Азию. В: Маринович, Л. П. (ред.), *Античная цивилизация и варвары* (с. 110–148). М.: Наука.

Гура, А. В. 1995. Волк. В: Толстой, Н. И. (ред.), *Славянские древности: Этнолингвистический словарь* Т. 1 (с. 411–418). М.: Международные отношения.

Ликофрон. 2011. Александра (перевод с древнегреческого и комментарий И. Е. Сурикова). *Вестник древней истории* 1: 219–233; 2: 234–267.

---

²⁰ То есть греков.

²¹ Галадра – город в Македонии.

Лорд, А. Б. 1994. *Сказитель*. М.: Наука.

Новиков, Г. А. 1971. Отряд Хищные (Carnivora). В: Наумова, С. П., Кузякина, А. П. (ред.), *Жизнь животных*. Т. 6. *Млекопитающие, или звери* (с. 300–370). М.: Просвещение.

Старостин, Б. А.

1996а. Аристотелевская «История животных» как памятник естественно-научной и гуманитарной мысли. В: Старостин, Б. А. (ред.), *Аристотель. История животных* (с. 7–68). М.: РГГУ.

1996б. Примечания. В: Старостин, Б. А. (ред.), *Аристотель. История животных* (с. 413–503). М.: РГГУ.

Суриков, И. Е.

2011. *Очерки об историописании в классической Греции*. М.: Языки славянских культур.

2014. Понятия АΓΑΘΟΣ и ΚΑΚΟΣ в архаической Греции (по данным лирической поэзии). *Antiquitas aeterna* 4: 21–42.

2015. *Античная Греция: Ментальность, религия, культура*. М.: Языки славянской культуры.

Туманс, Х. 2011. «Львы» и «волки» у Гомера: заметки к эпической «табели о рангах». *Аристей* 4: 27–51.

Antonaccio, C. 2006. Religion, Basileus and Heroes. In Deger-Jalkotzy, S., Lemos, I. S. (eds.), *Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer* (pp. 381–395). Edinburgh: Edinburgh University Press.

Blaise, F.

1995. Solon. Fragment 36 West. Pratique et fondation des norms politiques. *Revue des études grecques* 108: 24–37.

2006. Poetics and Politics: Tradition Re-worked in Solon's 'Eunomia'. (Poem 4). In Blok, J. H., Lardinois, A. P. M. H. (eds.), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches* (pp. 114–133). Leiden; Boston: Brill.

Buxton, R. 1990. Wolves and Werewolves in Greek Thought. In Bremmer, J. (ed.), *Interpretations of Greek Mythology* (pp. 60–79). London: Routledge.

Carlier, P. 2006. Ἄναξ and βασιλεύς in the Homeric Poems. In Deger-Jalkotzy, S., Lemos, I. S. (eds.), *Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer* (pp. 101–109). Edinburgh: Edinburgh University Press.

Crielaard, J. P. 2006. Basileis at Sea: Elites and External Contacts in the Euboean Gulf Region from the End of the Bronze Age to the Beginning of the Iron Age. In Deger-Jalkotzy, S., Lemos, I. S. (eds.), *Ancient Greece:*

From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer (pp. 271–297). Edinburgh: Edinburgh University Press.

Detienne, M., Vernant, J.-P. 1989. *The Cuisine of Sacrifice among the Greeks*. Chicago: The University of Chicago Press.

Dougherty, C. 2001. *The Raft of Odysseus: The Ethnographic Imagination of Homer's Odyssey*. Oxford: Oxford University Press.

Drews, R. 1983. *Basileus: The Evidence for Kingship in Geometric Greece*. New Haven; London: Yale University Press.

Dyson, G. W. 1929. ΛΕΟΝΤΑ ΤΕΚΕΙΝ. *Classical Quarterly* 23(3/4): 186–195.

Figueira, T. J. 2015. Solon in Fifth-Century Lyric. *Trends in Classics* 7(1): 24–42.

Finley, M. I. 1954. *The World of Odysseus*. New York: Viking Press.

Gehrke, H.-J. 2006. The Figure of Solon in the Athênaiôn Politeia. In Blok, J. H., Lardinois, A. P. M. H. (eds.), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches* (pp. 276–289). Leiden; Boston: Brill.

Gottesman, A. 1998. Solon's Fox: Poetry and Revolution in Archaic Athens. *Pomoerium* 3: 19–25.

Hawkins, T. 2008. Out-Foxing the Wolf-Walker: Lycambes as Performative Rival to Archilochus. *Classical Antiquity* 27(1): 93–114.

Iacovou, M. 2006. From the Mycenaean qa-si-re-u to the Cypriote pa-si-le-wo-se: The Basileus in the Kingdoms of Cyprus. In Deger-Jalkotzy, S., Lemos, I. S. (eds.), *Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer* (pp. 315–335). Edinburgh: Edinburgh University Press.

Irwin, T. H. 1985. Permanent Happiness: Aristotle and Solon. *Oxford Studies in Ancient Philosophy* 3: 89–124.

Kelly, A. 2008. Performance and Rivalry: Homer, Odysseus, and Hesiod. In Revermann, M., Wilson, P. (eds.), *Performance, Iconography, Reception: Studies in Honour of Oliver Taplin* (pp. 177–203). Oxford: Oxford University Press.

Leduc, C. 1998. La représentation “aristotélicienne” de la politeia de Solon: la politique “dans” le domestique. *Ktéma* 23: 415–422.

Markoe, G. E. 1989. The “Lion Attack” in Archaic Greek Art: Heroic Triumph. *Classical Antiquity* 8(1): 86–115.

Mazarakis Ainian, A. 2006. The Archaeology of Basileis. In Deger-Jalkotzy, S., Lemos, I. S. (eds.), *Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer* (pp. 181–211). Edinburgh: Edinburgh University Press.

Moloney, E. P. 2015. Neither Agamemnon nor Thersites, Achilles nor Margites: The Heraclid Kings of Ancient Macedon. *Antichthon* 49: 50–72.

Montiglio, S. 2011. *From Villain to Hero: Odysseus in Ancient Thought*. Ann Arbor: The University of Michigan Press.

Newman, J. K. 1982. Pindar, Solon and Jealousy: Political Vocabulary in the Eleventh Pythian. *Illinois Classical Studies* 7(2): 189–195.

Noussia-Fantuzzi, M. 2010. *Solon the Athenian, the Poetic Fragments*. Leiden; Boston: Brill.

Rhodes, P. J. 2015. Solon in Aristotle's School. *Trends in Classics* 7(1): 151–160.

Rood, N. 2008. Craft Similes and the Construction of Heroes in the Iliad. *Harvard Studies in Classical Philology* 104: 19–43.

Ruschenbusch, E. 1966. *ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte*. Wiesbaden: Steiner.

Russo, J. 1997. The Formula. In Morris, I., Powell, B. (eds.), *A New Companion to Homer* (pp. 238–260). Leiden; New York; Köln: Brill.

Sagstetter, K. S. 2013. *Solon of Athens: The Man, the Myth, the Tyrant?* Diss. University of Pennsylvania.

Schwartz, E. 1991. Odysseus unter den Freiern und vor Penelope. Latacz, J. (hg.), *Homer: Die Dichtung und ihre Deutung* (S. 257–260). Darmstadt: Wege der Forschung.

Stehle, E. 2006. Solon's Self-reflexive Political Persona and its Audience. In Blok, J. H., Lardinois, A. P. M. H. (eds.), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches* (pp. 79–113). Leiden; Boston: Brill.

Vox, O. 1983. Solone "nero". Aspetti della saggezza nella poesia solonica. *Quaderni di storia* 9(18): 305–321.